

ВЕЧНЫЕ ФРАНЦУЗЫ

Ольга Орешина

Франция дала миру плеяду великих личностей: королей и поэтов, полководцев и философов, художников и министров. В их честь были выпущены великолепные ручки. В этом обзоре представлены только шесть из них. Кем были люди, вдохновившие производителей из разных стран на создание этих незаурядных пишущих инструментов, объяснять нет надобности. В заметках к обзору — только напоминание об отношениях великих французов с Россией и русскими.

GRATZ
CusPRIMONT
GEISBERG
CHAMPAUBERT

CARRA S'CYR
DECOUZ
CURIAL
EAUMONT
ERVONI
UBOURG
ALLE
TTE
ET
T
E
H^{re} LAMOTTE
MARION
HERVO
CHAMBURE
DAUVERGNE

BEAUPUY
ALHUBERT
DEBILLY
CAMPANA
CAUTIER
CAULAINCOURT
LACUEE
HICONET
MORLAND
MAZAS
VIALA
WATHIEZ
SCHRAMM
VINCELT
GENTIL S'ALE
FOISSAG-LAT
LANABERE
LEJEUNE

BARBALEPPE
DUPRAT
MARI
CAUTHERIN
PELET
PELLEPORT
MONTM^{re}RIE
CAMPI
DURRIEL
WATHIEZ
SCHRAMM
VINCELT
GENTIL S'ALE
FOISSAG-LAT
LANABERE
LEJEUNE

SEDIMAN
MONT THABOR
CHEBREISSE
BASSIGNANO
SAN GIULIANO
DIETIKON
MUTTA THAL
GENES

Король-стиль

Государство – это я.

Людовик XIV (1643–1715)

Детали ручки Montblanc Louis XIV из серии «Покровитель искусств» напоминают интерьеры парадных залов и салонов Версальского дворца. Тонкий корпус из позолоченного серебра 925-й пробы украшен изысканным цветочным узором, вдохновленным знаменитыми версальскими садами. Перо из золота 18 карат привлекает внимание разрезом в форме сердца и изящной гравировкой в виде бантов – типичного для двора Короля-Солнца аксессуара

В свое долгое правление самый блистательный и популярный у нас французский король особого внимания на Московию не обращал, хотя эта далекая варварская страна и играла некоторую, далеко не главную правда, роль в тогдашнем общем раскладе сил в Европе. Когда же благодаря прозападничеству молодого Петра I роль эта стала заметнее, Людовик XIV был уже стар и слаб и отказал царю в визите. Петр приехал в Париж через год после его смерти, встречался на высшем уровне с малолетним Людовиком XV. Но главное не историческая правда, а то, что обаяние Короля-Солнца греет и по сей день. Даже самые непривлекательные качества его характера: мотовство, сластолюбие, обжорство и непомерное тщеславие – не кажутся нам особыми грехами.

Король обожал пышные праздники, роскошные вещи и грандиозные наряды, и мы тоже их очень ценим. Людовик XIV подарил миру стиль, который живет уже больше трех веков. Когда много резьбы и золота, когда пышность не знает меры, а избыточность – границ, тогда мы уверенно говорим: «Луи Каторз!» – радуемся, что существуют еще на свете вещи побогаче минимализма и попродельней хай-тека.

И до знакомства с абсолютистской Францией, чьим воплощением был и остается Людовик XIV, русский двор умел производить впечатление богатством, но по-своему, с восточным уклоном. После Людовика XIV у российских (впрочем, как и у всех европейских) императоров и императриц и их вельмож был один идеал – Версаль. Свою резиденцию в парижском пригороде Людовик строил почти всю жизнь, и за пять десятилетий на месте скромного охотничьего домика его отца вырос прекрасный дворец длиной в километр, с одним из самых больших и искусных парков мира.

Могучий баловень побед

Там, где нет опасности, нет и славы...

Наполеон I (1769–1821)

«Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas» — «От возвышенного до смешного только один шаг». Французский посол в Варшаве де Прадт вспоминал, что именно во время бегства из Москвы император повторял эту фразу. На самом деле Наполеон произносил эти слова и раньше, и даже не он их сказал первым. Наполеон Бонапарт никогда не был смешным — по крайней мере, нам невозможно представить его в смешном положении или отпускаящим шуточки. Многочисленные биографы не описывали такой ситуации. Этот человек знал не только то, как стать великим, но и как сохранить величие даже в поражении, бегстве и изгнании.

За это несомненное, абсолютное величие в России Наполеона чтят как героя — несмотря на вторжение в нашу страну, пожар Москвы, гибель сотен тысяч русских. Победить великого — значит, обрести величие. Об этом написал Пушкин: «Хвала!.. Он русскому народу высокий жребий указал». Но простым великих понять невозможно.

«7 сентября 1812 года. Ужасные слова, сказанные Наполеоном Мюрату вечером битвы при Бородино. Это сражение было самым кровопролитным во всех войнах до 1914 года. На площади в квадратный лье, как говорил генерал Россетти, земля была покрыта убитыми и ранеными. Куски трупов, ад боли. Несчастные раненые, положенные один на другого, лишенные помощи и утопающие в собственной крови, издавали чудовищные стоны, призывая во весь голос смерть. Император созерцал поле битвы и сказал: «Я его еще никогда не видел таким прекрасным». Вот слово, которое представляет монстра во всем его величии. Прекрасный — если речь шла о нем и его доме; ужасный — если речь шла о его жертвах. Он сама вселенная, и его жизнь — дуэль Наполеона с миром», — писал биограф Наполеона Андре Сюаре.

Ручка, посвященная Наполеону Бонапарту, выпущена известной итальянской компанией Tibaldi в рамках лимитированной серии Clari Viri, отдающей дань уважения прославленным историческим деятелям. Каждый рисунок на корпусе и колпачке этих пятидесяти первых ручек и ролефов выполнен вручную художницей Лореной Страффи

Философ на русской службе

Я очень боюсь холодов, а русские дарят мне такие чудесные шубы!

Вольтер (1694–1778)

«Когда я его видел сорок лет тому назад ходящим по парижским лавкам, ни он, ни я еще не подозревали, что я однажды сделаюсь его историком».

В этом воспоминании Вольтера о встрече с Петром I много гордости. Вольтеру в это время был только 21 год, он был малоизвестным сочинителем, и царю московитов до него не было никакого дела. Однако биография этого царя стала одним из важных дел жизни Вольтера.

Официальный заказ от российского правительства написание биографии Петра I был сделан ему летом 1759 года через фаворита Елизаветы Петровны графа Шувалова. Но еще за четырнадцать лет до этого Вольтер предлагал императрице написать историю жизни ее отца, чтобы «воздвигнуть памятник во славу его на языке, на котором говорят почти при всех европейских дворах», запрашивался на поездку в Петербург и просил прислать ему побольше документов о петровском времени. Но получил отказ.

Личность Петра начала занимать Вольтера во время написания биографии шведского короля Карла XII. Бурные деяния русского монарха уж очень подходили для иллюстрации идей самого философа-просветителя. В его истории царь-реформатор быстро, пусть и жестоко, поставил варварскую Московию на путь прогресса, просветил ее темное население. Два тома «Истории Российской империи при Петре Великом» были высоко оценены Европой, но не Россией, которая не могла не видеть в сочинении Вольтера географических дикостей (например, Оренбург у него был прибежищем персов) и не могла простить ему слишком эффектных обобщений. Европейцы упрекали Вольтера, что он где писал свою историю Петра на заказ, за щедрые русские вознаграждения, поэтому и идеализировал своего героя. Но надо отдать должное философу: он был не только алчным и упрямым человеком, но и великим мыслителем. Презируя поверхностных писак, он стремился написать о России достоверно, использовал множество свидетельств, обязательно очевидцев. И все шесть лет работы над «Историей» просил у своих русских корреспондентов информации: «Чувствительно тронут вашим китайским чаем, но, уверяю Вас, сведения о царствовании Петра Великого были бы для меня несравненно ценнее».

«Вольтер» – первая ручка, вышедшая в трилогии Secret Journey от швейцарской компании Caran d’Ache. На корпусе схематически изображен северный берег Женевского озера и Лозанна, где бывал Вольтер. «Я отдаю должное этому городу за проведенные в нем счастливые дни» – эта фраза писателя скрыта в хитроумном корпусе ручки и открывается при повороте секретного механизма

Спутник Пушкина

Нет счастья вне проторенных дорог.
Шатобриан (1768–1848)

Так уж случилось, что Франсуа Рене де Шатобриан — великолепный поэт-романтик, религиозный мыслитель, острый на язык памфлетист, незаурядной отваги человек, путешественник и искусный дипломат, один из первых культурных героев Франции — в русское культурное сознание вошел в основном как кумир Пушкина. А для многих Шатобриан — просто слово, трижды упоминающееся в «Евгении Онегине» (вернее, четырежды, если считать примечания). Хотя без «Рене» Шатобриана неизвестно, был бы «Евгений Онегин» таким, каким мы его знаем.

Влияние Шатобриана на французскую словесность так же огромно, как влияние Пушкина — на русскую. Оба поэта определили дальнейшее развитие национальных литератур, дали им новые формы и новых героев — рано разочаровавшихся в жизни молодых людей. И в их жизни есть нечто общее: оба очень любили женщин и оба были ими часто любимы.

Романтическая поэзия Шатобриана вдохновляла Пушкина еще в лицее, потом отношение русского поэта к французскому многократно менялось. По естественной причине: они оба со временем менялись — пересматривали свои взгляды на поэзию, религию, власть, семью. Но одна из последних статей Пушкина — как раз о Шатобриане. Отрывок из нее часто цитируют: «Перевод «Потерянного рая» есть торговая спекуляция. Первый из современных французских писателей, учитель всего пишущего поколения, бывший некогда первым министром, несколько раз посланником, Шатобриан на старости лет перевел Мильтона для куска хлеба. Каково бы ни было исполнение труда, им предпринятого, но самый сей труд и цель оного делают честь знаменитому старцу. Тот, кто, поторговавшись немного с самим собою, мог спокойно пользоваться щедротами нового правительства, властью, почестями и богатством, предпочел им честную бедность. Уклонившись от палаты пэров, где долго раздавался красноречивый его голос, Шатобриан приходит в книжную лавку с продажной рукописью, но с неподкупной совестью».

В январе 2009 года свет увидит ручка «Шатобриан» — продолжение серии Caran d'Ache Secret Journey. Будет выпущено всего 300 первых ручек и 150 роллеров, украшенных старинной картой окрестностей Женевы и подписью Шатобриана на корпусе, покрытом розовым золотом и черным лаком

Никакой клюквы

История – это гвоздь, на который я вешаю свои картины.

Александр Дюма-отец (1802–1870)

Исследователи утверждают, что напрасно Александру Дюма приписывают фразу о развесистой клюкве, под которой проходил обед у тамбовского губернатора. Ни в многотомных воспоминаниях Дюма о путешествии в Россию, ни в его обширной переписке, ни в романе из русской жизни *Maitre d'armes* нет таких слов.

Путешествие по России заняло у Александра Дюма год. Перед тем как отправиться в путь, он основательно проштудировал «Историю Российской империи при Петре Великом» Вольтера, в которой этой самой клюквы было в достатке. Легкомысленный, быстрый на письмо, пренебрегающий прозой жизни ради поэзии вымысла Дюма судил Россию, может, и поверхностно, но восторженно и благожелательно.

В «золотой клетке русского гостеприимства» он с удовольствием пел о том, что видел, или о том, что хотел увидеть. Конечно, он безбожно перевирал имена, путал исторические события и иногда сам досочинял и так не вполне правдоподобные истории, но и был внимателен и наблюдателен, ему важно было передать национальные особенности и неповторимый колорит русской жизни. Он был хоть не единственным, но все же редким французом, который не писал о русском варварстве и деспотизме, не смотрел на страну жестоким взглядом маркиза де Кюстина, посетившего Россию до него и оставившего о своем пребывании сочинение, возмущившее Николая I.

«Понравился вам наш национальный экипаж – телега? – Да, потрясло немного. Но это придает аппетит». Такое отношение к жизни русским очень импонирует. И при жизни Дюма-отец пользовался грандиозной популярностью, и через полтора века после его смерти романы о мушкетерах и благородном мстителе графе Монте-Кристо остаются любимым чтением не только подростков.

Под стать романам великого Александра Дюма – совершенство посвященных ему ручек серии «Писатели» от Montblanc. Эти пишущие инструменты, изготовленные из самых благородных материалов, приковывают взгляд таинственным мерцанием «мраморного» корпуса, перекликающимся с насыщенным коричневым цветом колачка из драгоценной смолы, на котором расположилась подпись писателя

О Сибири с любовью

*Вот в этом-то Томске эмир и собирался
встретить победоносные войска.*

Жюль Верн (1828–1905)

Пару лет назад власти Иркутска намеревались организовать туристический маршрут по местам действия романа Жюль Верна «Мишель Строгов», надеясь так привлечь в свой край французских путешественников, поскольку многие французы до сих пор представляют Сибирь, Байкал и исключительное русское гостеприимство по этому роману. Не потому, что не смотрят телевизор и не читают газет, — просто прочитанное в юности не забывается. А этот увлекательный роман занимает на родине Жюль Верна четвертое место по популярности среди всех сочинений плодовитого романиста. У нас же «Мишель Строгов» хотя и переведен, но мало читаем.

Русскую публику настолько смущает сюжет о восстании туркестанских племен в Сибири, что это не может компенсировать даже благородный образ главного героя. А ведь какой красавец! «Вошедший фельдъегерь был высокого роста, пропорционально и крепко сложен. Его мощная фигура казалась воплощением физической силы. Черты его лица были правильны и приятны; густые темные волосы слегка вились, а добрый и открытый взгляд красивых синих глаз невольно привлекал внимание к нему всякого. Грудь его была украшена Георгиевским крестом и несколькими медалями. В каждом слове и движении Строгова был виден энергичный человек, умеющий пользоваться обстоятельствами и неуклонно идущий к своей цели». Сразу ясно, что в романе с таким героем будет не только география, но и любовь.

Но если сюжет романа был создан по законам беллетристики, то с географией у Жюль Верна все было в порядке. Подробное описание мест и природы, детали путешествия Строгова из Петербурга в Сибирь достаточно правдивы, хотя и не без фантастических допущений. Сам Жюль Верн в России никогда не был, но при работе над романом он пользовался своей знаменитой обширной картотекой, где были собраны сведения чуть ли не обо всем мире. Но главное, что навсегда объяснил французам «Мишель Строгов», что русские и татары — это не одно и то же.

Пишущие инструменты Montblanc Jules Verne серии «Писатели» погружают нас в увлекательный мир, созданный воображением французского романиста. Корпус, покрытый ярко-синим лаком, украшен отделкой с платиновым покрытием и гильошированным узором в виде волн.

Тонкая гравировка в виде старинного водолазного шлема на перо из 18-каратного золота с родиевым покрытием напоминает об одной из самых известных книг Жюль Верна — романе «Двадцать тысяч лье под водой»

Pen World

ЖУРНАЛ О МИРЕ ПИСЬМА ДЛЯ ЦЕНИТЕЛЕЙ РОСКОШИ

Эти и другие материалы журнала «Мир Ручек»
Вы можете найти на сайте www.ElitePen.ru

Copyright © ООО «Мир Ручек»

Все права на материалы охраняются в соответствии с законодательством РФ.
Любое использование возможно только с письменного разрешения правообладателя.